Когда-то давно Цзи Саньмэй и Вэй Тин поселились в её доме. Ли Хуань поначалу не обращала особого внимания на Цзи Саньмэя, но юноша по имени Вэй Тин с первой же встречи легко приковал к себе все её мысли.

Его мягкость была врождённой, шла из самой глубины души. Стоило лишь взглянуть на него — и в сердце медленно пробуждалась нежность. С девушками он говорил нечасто, а в её присутствии и вовсе робел, не решаясь поднять глаза.

Но стоит было заговорить о том человеке — и во взгляде Вэй Тина вспыхивал крохотный огонёк, словно звёздочка.

— Пойду за лекарством для старшего брата Цзи.

— Вчера старший брат Цзи снова бредил в жару.

— Поедем на лодке… А старший брат Цзи? Если он поедет, то и я поеду.

Вэй Тин был влюблён в мужчину. Ли Хуань поняла это с первого взгляда — по тому, как он смотрел на Цзи Саньмэя.

Но сам Цзи Саньмэй этого не замечал. Даже в бреду он твердил лишь об одном — о своём Шэнь-сюне.

Ли Хуань считала Вэй Тина слепым и глухим: как можно не видеть, что сердце Цзи Саньмэя давно занято? Но Вэй Тин любил его — любил так, словно для этого чувства не нужно ничего, кроме его собственной воли. Согласие Цзи Саньмэя было необязательно.

Ли Хуань поддалась этому обаянию и тоже сделала вид, что ничего не замечает.

Так продолжалось до того дня, когда разъярённые деревенские жители с факелами подступили к дому Цзи Саньмэя. Вэй Тин, застигнутый врасплох, в отчаянии упал на колени:

— Старший брат Цзи не мог такого совершить! Я всегда был рядом с ним, я знаю, какой он человек!

Но тщетно.

Сила Цзи Саньмэя, пока была полезна, привлекала всех — его почитали и уважали.

Но стоило этой силе стать угрозой — и те же люди ополчились против него.

Староста отшвырнул Вэй Тина ногой. И тогда тот увидел в толпе Ли Хуань — с каменным, ничего не выражающим лицом.

Как утопающий хватается за соломинку, Вэй Тин пополз к ней на коленях и припал к её ногам:

— Мисс Ли! Саньмэй жил у вас в доме, вы видели, как он изгонял нечисть! Разве вы видели, чтобы он прятал ядра яо? Он даже с постели встать не мог без помощи!

Ли Хуань стояла в кольце огненных отсветов и смотрела на Вэй Тина сверху вниз.

Внезапная злоба сковала её язык, сдавила горло. И она произнесла, отчеканивая каждое слово:

— Видела! После того как он убил тех яо, он ночью тайком ушёл. Кто знает, куда!

Вэй Тин резко поднял голову, не веря своим ушам.

Ли Хуань отвела взгляд — и столкнулась с другим.

Цзи Саньмэй стоял в дверях хижины. Его пустые глаза отражали разноцветные блики факелов, словно стеклярус. Деревенские на мгновение замолчали, уставившись на него.

Молодой парень впереди закричал:

— Убийца должен заплатить жизнью!

Остальные уже готовы были подхватить клич, но их голоса застряли в горле.

Цзи Саньмэй, накинув на плечи одежду, холодно бросил:

— Замолчите.

И больше никто не мог издать ни звука.

Затем он слегка улыбнулся и тихо сказал Ли Хуань:

— Благодарю мисс Ли за спасение моей жизни. Сегодня я свой долг вернул. … У меня скверный характер, я не забываю обид. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

Он взмахнул рукой — и факелы, зажатые в дрожащих от страха руках, вырвались и закружились вокруг него, рассыпая искры, словно блуждающие огоньки.

Опираясь на Вэй Тина, Цзи Саньмэй медленно вышел из окружения.

Тогда Ли Хуань не заметила, когда мастер Лун, потерявший дочь, подкрался к дому. Она лишь услышала свист острого персикового меча, рассекающего плоть, — и мир перед её глазами залился ужасным багрянцем.

Затем раздался крик Вэй Тина.

— Старший брат Цзи, нет!

Последних сил Цзи Саньмэя хватило лишь на то, чтобы швырнуть Лун Фэйаня на стену дома. После этого он рухнул в объятия Вэй Тина, не в силах даже прикрыть окровавленную культю:

— Уходим.

Голос Вэй Тина дрожал от слёз:

— Твоя рука!..

Цзи Саньмэй ответил:

— Не нужна.

Больше он не сказал ни слова.

С тех пор Ли Хуань никогда его не видела.

Он даже не взглянул на неё в последний раз — лишь подхватил Цзи Саньмэя и бежал, не

оглядываясь.

Её тело плыло по течению реки Ишуй, и в забытьи ей казалось, что она уже умерла.

После тех событий раскаяние не раз терзало её, но она твердила себе: она не лгала.

Пусть она и знала, что Цзи Саньмэй не ходил по ночам выкапывать ядра яо, — но разве он не мог сделать всё, что хотел, не вставая с постели? Разве в его комнате не нашли туфлю Лун Ин?

Да и вообще — разве он не виновен в том, что её сестра влюбилась в него и из-за этого лишилась души?

Годы лжи сделали своё. Увидев целого и невредимого «Цзи Саньмэя», она испытала и ярость, и леденящий страх.

Зачем он вернулся? Как он посмел?

И… что он теперь задумал?

Ярость заставила её окатить «Цзи Саньмэя» ведром воды.

Но совесть смутно шептала: реальных доказательств тогда не было. Ей не хватало уверенности, праведного гнева — она просто не могла позволить себе большего.

Теперь расплата настигла её.

Ли Хуань уже почти поверила, что утонула, — но тут за её спиной раздался спокойный голос Цзи Саньмэя:

— Мисс Ли, хватит шутить. У вас есть сестра. Вы не хотите умирать.

Она выросла на берегах Ишуй и плавала как рыба. И теперь, подчиняясь его воле, Ли Хуань выбралась на берег и рухнула в центре беседки, мокрая и дрожащая, продолжая задыхаться, словно всё ещё была под водой.

Цзи Саньмэй не стал мешать её видениям. Зажав в зубах курительную трубку, он методично очищал зёрна лотоса, извлекая зелёные сердцевинки и оставляя пустые белые оболочки.

Закончив, он встал и, покачиваясь, направился к выходу.

Порыв вечернего ветра сбросил прядь волос ему на лоб. Цзи Саньмэй подошёл к краю беседки, дунул — и прядь медленно вернулась на место.

Он повернулся к старой иве у реки, посмотрел на неё несколько мгновений, а потом улыбнулся — тонкой, как молодой месяц, улыбкой:

— Учитель, стемнело. Пора домой.

Из-за дерева вышел Шэнь Фаши.

— Когда вы пришли? — спросил Цзи Саньмэй.

— До неё.

Цзи Саньмэй внутренне вздрогнул, но виду не подал. Он протянул Шэнь Фаши миску с очищенным лотосом и спросил с игривой улыбкой:

— Я так прекрасен, что учитель подглядывает за мной?

Шэнь Фаши подумал: «Прекрасен ты или нет — я всё равно буду смотреть». Но сказал он это лишь про себя, а взгляд его был прикован к госпоже Ло в беседке.

Цзи Саньмэй поднял руку в оправдательном жесте:

— Я не хотел её убивать. Просто решил, что ей стоит добровольно искупаться.

Шэнь Фаши промолчал.

Характер у Цзи Саньмэя и вправду был такой: мелочный, злопамятный. Ли Хуань окатила его водой несколько дней назад — и он не забыл, заставив её вернуть с лихвой.

Шэнь Фаши наклонился, молча обнял его и поднял на руки:

— Домой.

Цзи Саньмэй удивился такому обращению:

— Учитель, я же наговорил сегодня много гадостей. Вы всё слышали?

Шэнь Фаши кивнул и спросил:

— Раз так много говорил — не хочешь пить?

Он слишком хорошо знал этого человека. Цзи Саньмэй был прирождённым торговцем, готовым на всё ради выгоды. Он мог загубить человека одним лишь языком.

Но была у него и одна хорошая черта: к преступлениям он не питал особого интереса.

Что бы там ни было, Шэнь Фаши любил его — всего, каким он был: и хорошего, и дурного.

Цзи Саньмэй не ожидал такой снисходительности. Обрадовавшись, он уткнулся лицом в его грудь:

— Не хочу.

Он уже собирался отпустить какую-нибудь похабную шутку — но тут сверху раздался спокойный вопрос:

— Раз не хочешь пить… тогда скажи, кто такой Вэй Тин?

http://bllate.org/book/16281/1466232